

Девочка

Она пришла сама. Грязная, отощавшая, ослабшая от голода... Молча постояла у порога и то ли доверчиво, то ли обречённо не легла, а почти упала. Лишь тяжело вздымались рёбра, и глаза смотрели...

* * *

Мы только что взяли Пшеничное, маленький дачный посёлок перед Рубежным. Не мудрствуя лукаво, обосновались в домике на окраине, из которого ещё пару часов назад дали дёру вэсэушники. Хатку, кстати, на случай обороны хохлы оборудовали по уму, грех было не воспользоваться. Комбат отмаячил по рации: «Устраиваться пока здесь». Ну, передышка так передышка. Последняя неделя была, прямо скажем, не из лёгких. В Житловке и Кременной «незалежные» упёрлись жёстко. Продавливать приходилось каждый метр и каждый дом. Только после того, как наши штурма вошли в Кременную и закрепились, хохлы, огрызаясь, откатились на Рубежное и намертво встали в промзоне.

«Града» загнали в сосняк. Закидали ветками, превратив в бесформенный зелёный сугроб. Горняк, водела «подсумка», уже колдовал над котлом, дразня мясными запахами наши желудки, коим переваривать сухпайки было уже неважготу. Изюм, замысловато

матюкаясь, ковырялся под капотом БМ, а мы с Яцыком и Санёчком затопили невиданную роскошь — баню, и таскали из колодца ведро за ведром, наполняя бак. Баня, блин, настоящая баня! Последние недели три помыться удавалось лишь изредка, наспех нагрев ведро воды и по-братски поделив на троих. И то если в сей священный процесс не вмешаются неожиданно хохлы, как вышло под Песчаным.

— Блин, Док! — вдохновенно орал стоящий на крыше Яцык, опрокидывая в бак очередное ведро. — Если «немцы» мне сейчас помыться не дадут, убей их всех! Прям полным «пакетом».

«Пакетом», если кто не в курсе, реактивщики называют артиллерийскую часть «Града». Полный пакет — это, на минуточку, аж сорок снарядов.

— А если они тебе дадут помыться, а мне нет, — я подал Яцыку следующее ведро. — Я сначала тебя убью, а потом уже их.

И вот, когда мы наполнили бак и расслабленно трындели под кофеёк, *она* подошла и легла почти у наших ног. Когда-то огромная, сильная и красивая собака, от которой сейчас остался лишь обтянутый свалявшейся шерстью, непонятно как ещё живой, скелет. И глаза... Вишнёво-карие собачьи глаза, глядящие, как это умеют только собаки, прямо в душу.

— Мать твою! — выдохнул обычно культурный Санёчек. — Да как она жива ещё?!

Я наклонился и положил руку на крупную лобастую голову.

— Ты совсем голодная, девочка? — почему-то в том, что собака — девочка, я с первого взгляда был уверен. Погоди минутку, я сейчас...

Если честно, я законченный циник. Война не слишком способствует прекраснодушию и сентиментальности. Но это по отношению к людям. А вот животных жалко до слёз. Собственно, их, слёзы, я сейчас и пытался скрыть, изображая бурную деятельность. Чёрт, чёрт, чёрт! Ну вот им-то это за что? Преданным, чистым, беззаветно любящим людей всем своим бескрайним сердцем! Я лихорадочно рвал упаковку пайка, обещая сам себе, что вот найду тех укропов, что довели собаку почти до голодной смерти и...

В большую миску высыпал тефтели. Бесцеремонно отчерпнул из котла у Горняка пару половников наваристого бульона. Потом размял в бульоне тефтели до однородной полужидкой кашицы. Нельзя много с голодухи, может ещё хуже стать. Убедившись, что миска и её содержимое достаточно остыли, поставил еду перед самым чёрным кожаным носом.

— Кушай, девочка.

С трудом приподнявшись на лапах, собака с минуту принюхивалась, словно ещё не веря, что всё это ей не снится. Потом опустила голову и стала есть. Неторопливо и аккуратно, будто извиняясь за каждый глоток. Пацаны, похоже, чувствовали то же, что и я. Напрочь отмороженный Яцык молча катал на челюстях желваки, затих записной балабол Изюм. Санёчек, самый интеллигентный и мягкий из нас, откровенно шмыгал носом. Даже Горняк, наш аксакал и гуру гастрономии, к животным обычно равнодушный, и тот поймал общую волну и взволнованно следил, как возвращается к жизни с каждым новым глотком наша гостья.

— Твою ж наоборот! — Изюм даже вскочил, показывая пальцем на что-то не видное мне на противоположном собачьем боку. — Док, блин, она «трёхсотая»!

Осколок вошёл в бедро, видимо, уже на излёте. Рваная рана, сантиметров десяти длиной, с торчащим из неё куском железа. Ещё одна на боку. На счастье, не проникающая, хорошо зализанная и чистая. Спасибо вам, собачьи боги, за то, что придумали своему творению антисептический язык. Ранам с виду четыре-пять дней. На человеке без санобработки уже имели бы поганый вид, воспаление и сепсис. А тут — всё чистенько, обработано... но помощь требуется. Осколок таки сам себя не вытащит.

Девочка немного осоловела от еды. Ну понятно, скорее всего с момента ранения и не ела совсем: забилась куда-нибудь с перепугу и медленно умирала. Я осторожно уложил собаку на бок, пробежался взглядом по обеим ранам. На всякий случай порылся пальцами в свалявшейся густой шерсти — на предмет не замеченных при первом осмотре повреждений. Обошлось, к счастью, больше ни царапины. Ладно, что там у нас с бедром? Тихонько ухватил пальцами торчащий край острой железяки, осторожно потянул. А вот хрен там! Осколок засел глубоко в мышце собачьего бедра и вылезать без сопротивления напрочь отказывался. Ладно, попробуем чуть сильнее. Вроде бы начал медленно поддаваться, но тут пациентка слабо пискнула. Голову с земли, впрочем, не подняла, будто понимала, что вреда причинить не хотят.

— Больно, девочка, понимаю. Потерпи немного, хорошая. Ну надо же эту дрянь из тебя вытащить. Потерпишь, ладно?

Я гладил мягкие собачьи уши, чесал под челюстью, тихо разговаривал, успокаивая, и пытался сообразить, как же лучше сделать. В том, что осколок я всё-таки вытяну, уже не сомневался. Опасался только, что от боли собака может тяпнуть — просто на рефлекс. А учитывая, что в расцвете сил весу в собаченьке было килограммов под семьдесят и во внешности явно угадывалась помесь московской сторожевой с алабаем, один «клац» мощных челюстей мог запросто стоить мне кисти. Дилемма, блин...

— Яцык, морду поддержишь? Только нежно.

— Ага, ща! А она мне «нежно» руку по плечо отхреначит, когда ты дёрнешь!

— Может, шприц-тюбик ей вколем? — предложил Санёчек.

— Блин, она и так еле живая. А вдруг мотор не выдержит?! — я начал заводиться. — Яцык, если сам бздишь, давай держать буду я, а ты осколок вытянешь.

— А я умею? — Взвился Яцык. — Кто у нас Док, я или ты?

— Ну, я у вас Док только по позывному. А по должности — вычислитель и командир БМ.

Тут я слукавил, конечно. Позывной прилип не на пустом месте, а по первому образованию фельдшера. И да, кроме непосредственных обязанностей пичкал своих пацанов пилюлями и перевязывал тоже я.

— Давай я подержу... — это тихий Санёчек меня по-хорошему удивил. Нет, парняга далеко не трус, хоть и пришёл на СВО по мобилизации и воинскому делу обучался сразу в реальной обстановке. Просто мы все старались оберегать пацана, пока не обкатал-

ся, а Санёчек послушно не совался, куда «батька не велел», и больше слушал, чем говорил.

— А вдруг тяпнет, Санёк? Может, правда, давай я сам всё?

— Ага, кента заслуженного, с которым семь лет из одной чашки жрали, ему, значит, не жалко, а Санёчка пожалел! — обиженно забубнил Яцык.

— «Застуженного», — хмыкнул я, прекрасно понимая, что претендент на мою чашку уже просто валяет дурака — на всю голову. Лапы задние подержи, «кент застуженный». Там точно не тяпнет.

— Не укусит, — тихо и уверенно сказал Санёчек. — Она нам верит.

У меня от этих слов что-то опять перевернулось в душе и предательски защипало в носу. Сентиментальным что ли становлюсь на старости лет? Соберись, тряпка! Не время для соплей, война нынче!

— Что принести? — обозначился не задействованный в предстоящей операции Изюм.

— Пинцет надо. Хлоргексидин или перекись — без разницы. И ипэпэшку одну вскрой, мне нашлапка нужна, если что, кровь остановить...

— Потерпи немного, девочка, хорошо? Никто тебя не обидит, не бойся. Сейчас вот вытащим эту дрянь, обработаем, и заживёт на тебе всё, как на собаке... Ну... как на тебе, то есть. Ты ж у нас собака, да? Хорошая собака, умная, терпеливая... уши тряпошные, нос кожаный. Хорошая девочка, красавица, умница... вот сейчас закончим, и дядя Горняк тебе ещё вкусного даст... немножко. А потом ещё. Откормим тебя, не бойсь. И отмоем...

Я говорил с ней не переставая. Нёс, что в голову взбредёт, — разную добрую чушь, пока руки осторожно тянули из мышцы плотно засевший кусок железа. Держать даже не пришлось — ни голову, ни лапы. Санёчек просто сидел рядом, подложив ладонь под умную собачью морду. А девочка... девочка лежала тихо, стараясь не шевелиться и даже, по-моему, не дышать. Лишь раз, когда осколок только сдвинулся, я почувствовал, как напряглись и тут же расслабились под рукой мышцы бедра и еле слышно вздохнула измученная болью собака.

Ну всё, закончили. Тщательно промыл раны перекисью. Подумав мгновение, наложил до утра повязку на бедро. И с радостью увидел, как любопытный собачий нос уже без прежней обречённости повернулся навстречу обещанному «дяде Горняку», несущему миску с мелко нащипанным мясом, залитым бульоном.

Повязку наутро сняли, предоставив дальнейшее лечение чудодейственному собачьему языку. Ещё через три дня было купание. Целая процедура — с тёплой водой и мылом, на расстеленном клеёнчатом тенте. Девочка с видимым удовольствием лежала то на одном, то на другом боку, пока три пары рук и гора пены превращали грязные колтуны в блестящую длинную шерсть. Белую, с серо-коричневыми крупными пятнами.

* * *

На собачье (да и наше, наверное) счастье, нас ещё месяц назад пересадили из штурмов на честно затрофеенный у вражин «Град». В штурмовой пехоте